

Марина
СЕРОВА

**ИСТОЧНИК
ТАЙНОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Источник тайной информации
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167793*

*Алый наряд Вероники. Источник тайной информации: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-37311-6*

Аннотация

Это расследование оказалось сложным и запутанным. Впрочем, у частного детектива Татьяны Ивановой и не бывало легких дел... Исчез трехлетний мальчик, а его мать даже не пытается его искать. Дина Иртенева совершенно равнодушна к судьбе сына и вообще ведет себя так, будто никогда не имела ребенка. Что делать в такой ситуации Татьяне? В каком направлении вести поиски? Может, ребенка вообще нет в живых. Однако вскоре частному детективу удастся отыскать след... Преступник очень хитер и ловко манипулирует психически неуравновешенной Дианой Иртеневой. Молодая женщина целиком во власти мошенника и не догадывается, что жизнь ее висит на волоске.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Серова

Источник тайной информации

Глава 1

Я бежала по темному тоннелю, путь мой был едва виден, освещаемый только тусклым лучом фонарика. Тоннель становился то шире, то уже, то выше, то ниже – так что надо было сильно пригибаться, чтобы не расшибить лоб. Ноги работали в автоматическом режиме – сами соображали, где надо перепрыгнуть камень, где свернуть. Голове некогда было этим заниматься – я напряженно всматривалась вперед, за пределы тусклого кружка света, силясь не потерять из виду темный силуэт, стремительно исчезающий в разветвлениях катакомб. В начале погони преследуемых было двое, но они разделились. Только не упустить!

На очередном повороте преследуемый вдруг подскочил и резко рухнул, видимо, споткнувшись об очередную булыжник. «Теперь не уйдешь, зараза!» – это была последняя мысль, промелькнувшая прежде, чем у меня в глазах взорвался фонтан белых искр, сопровождаемый резкой болью во лбу. Потом все исчезло.

Очнувшись, я не сразу смогла понять, где я и что должна делать. Не открывая глаз, инстинктивно попыталась встать на ноги, но запуталась в чем-то, душно на меня навалившемся. Подняться не удалось – резкая боль в голове заставила меня снова рухнуть.

– Ну, ну, Иванова, не скачи!

Голос, раздавшийся где-то над ухом, внезапно оказался таким родным!

– Андрюша, где я? – спросила я, так и не решаясь открыть глаза.

– Ну, проблески сознания появляются. А я боялся, дурочкой станешь. – Мельников тихонько засмеялся. – Пока еще не в раю. До ангела я не дотягиваю.

Я наконец открыла глаза и с удивлением обнаружила, что лежу в незнакомой комнате на диване. А нечто, душившее меня, было одеялом.

– Андрюш, что со мной?

– Да лобешником ты приложилась не слабо, об нишу, в катакомбах этих.

– А ты как тут оказался?

– Любознательность – хороший знак. Ты быстро восстанавливаешься. Я еще там оказался. Правда, с опозданием.

– Не взял?

– Нет, Танюш, увы.

– Черт! Мне с таким трудом удалось эту засаду устроить!

– А ты не очень-то чертыхайся. Привыкла все одна делать.

Позвала бы сразу – взяли бы обоих. Знаешь ведь, как на ли-
су охотятся? В один лаз норы дым напускают, а у другого
поджидают. Вот и нужно было все входы-выходы у этих ка-
такомб перекрыть. Нет, тебе же надо все самой! А то не дай
бог – придется лавры с ментом делить!

– Ну согласна, дура я, дура.

– Ох, наконец-то создалась! – Мельников вредненько за-
хихикал.

Я попыталась сесть, но голова слишком сильно болела, я
легонько даже застонала. Андрей сразу стал серьезным.

– Ты лежи, лежи. Врач скоро придет. В лучшем случае –
сотрясение. Боюсь, как бы чего похуже... Ты ведь мало что
лбом приложились, еще и упала затылком на каменный пол.

Врач прибыл минут через пятнадцать. Меня увезли в
травматологию, верный Андрюша меня сопровождал. По до-
роге рассказал, как ему удалось узнать о моем замысле и
разыскать меня в катакомбах. Если бы не он, неизвестно,
сколько бы я там пролежала и что бы со мной было.

Диагноз поставили утешительный – никаких поврежде-
ний, только сотрясение мозга. Поэтому через день я была
уже дома. Но – на строгом постельном режиме. Как бы ни
хотелось мне его нарушить, этого делать было нельзя. Да и
без толку. Те, на кого я устраивала засаду, наверняка уже
скрылись в неизвестном направлении. Надо было продумы-
вать план дальнейших действий. Вот этим-то я и займусь в
ближайшие дни. Но для этого надо вспомнить и проанали-

зировать еще раз все детали моего неоконченного дела.

Итак, эта невероятно запутанная и овеянная множеством тайн история началась самым банальным образом. Ничто не предвещало подобного исхода. Сквозь какие только неизведанные дебри человеческой души приходится порой продирааться простому частному детективу!

Ну, я, конечно, скромничаю – разумеется, я не так проста – способности мои выше среднего, если не сказать больше.

А началось все совершенно традиционно – со звонка по телефону и с договоренности о встрече с очередным клиентом. Точнее – клиенткой, Алевтиной Николаевной Иртеневой.

Встречу с ней мы назначили в парке, в центре города. Я не очень люблю сразу приводить потенциального клиента к себе домой – мало ли как потом дело обернется. Алевтина Николаевна тоже захотела поговорить со мной на нейтральной территории.

Стоял конец сентября, золотые теплые деньки бабьего лета. В парке все было наполнено очарованием этого особого времени, когда наконец отбушевала кичливая пестрота красок на клумбах, отшумели говорливые толпы гуляк, умирлся пыл и солнца, и страстей. Во всем теперь присутствовала сдержанность, умиротворенность и неброский элегантный стиль. Моя клиентка на удивление удачно вписывалась в эту осеннюю акварель. Элегантная, обаятельная, ухоженная,

чуть старше пятидесяти.

Мы встретились с Алевтиной Николаевной возле главного входа – она предварительно описала свою внешность, и я легко узнала ее – прошлись по аллее, выбрали скамеечку в укромном уголке, присели и начали разговор.

А начала Иртенева издалека.

Вообще-то я больше люблю, когда клиент конкретно и сжато объясняет свою проблему и ставит задачу. А я затем выясняю подробности. Но так почему-то получается преимущественно с клиентами-мужчинами. Женщин приходится долго и терпеливо выслушивать, а на это уходит очень много драгоценного времени. В общем, предпочитаю говорить с клиентом по существу и не толочь воду в ступе. Если же попадается слишком говорливый клиент, я не прерываю его – лишь молча киваю и всем своим видом показываю, что полностью обращена в слух.

– Видите ли, Татьяна, я довольно поздно родила свою первую и единственную дочь – Диночку. Мне было около тридцати. И отец ее был уже не молод. И были мы люди занятые и серьезные. Муж когда-то работал в облизполкоме, потом, когда эта система рухнула, занялся бизнесом. Я тоже всегда работала, делала карьеру – на пенсию ушла с должности проректора экономического института. Возможно, поэтому, по крайней мере, психологи так говорят, у Диночки с детства был сложный характер. Считается, что когда родители молоды, беспечны, не обременены серьезными про-

блемами, то они много времени уделяют ребенку, много играют с ним, и им легко смотреть на мир его глазами, быть с ним на равных, что ли. Дети вырастают непосредственными и более приспособленными к общению. Мы с Дмитрием очень любили нашу Диночку. Но, наверное, чего-то ей не смогли дать. Она была ребенком, что называется, не садиковым. А нам надо было работать. Мы нанимали няню. Няни часто менялись, Дина не успевала ни к одной привязаться. В школе тоже было сложно. Дочь была довольно замкнутой, в контакте со сверстниками не была, а дома же превратилась в настоящего домашнего тирана. Я сейчас думаю – ну зачем эта карьера, зачем это стремление к успехам, к повышениям и продвижению по социальной лестнице? Ведь в результате все обернулось во зло. Насколько иначе сложилась бы жизнь, если бы я бросила работу и занималась Диночкой и домом.

Я молча, иногда с умным видом кивала, пытаюсь угадать финал истории. Однако ничего достаточно остроумного в голову не приходило.

Алевтина же Николаевна тем временем продолжала:

– Как и следовало ожидать, у Диночки долго не складывалась личная жизнь. Ее достаточно эффектная внешность привлекала поклонников, но резкий характер, закрытость столь же быстро отталкивали. Наконец, когда ей было уже двадцать четыре, она повстречала мужчину старше себя, волевого и достаточно терпеливого. Он был к тому же прекрасно материально обеспечен. Часто приезжал в Тарасов из Пе-

тербурга, здесь у него был филиал компании. Валера увидел Диночку на какой-то презентации и сразу был очарован. Она же, очевидно понимая, что молодость, а с нею и красота уходят, и надо бы уже подумать, как не остаться в старых девах, смягчилась и приняла ухаживания Валерия. Они встречались – Валера стал все чаще наезжать в Тарасов. Вскоре Дина забеременела. Все близкие порадовались – Валерий был очень хорошей партией для нашей девочки. Дело шло к свадьбе. Валера преподнес Диночке прекрасное дорогое кольцо – как все мы поняли, он хотел этого брака.

Но вдруг что-то не заладилось – свадьба внезапно расстроилась по никому не известным причинам. Валерий уехал, а Дина наотрез отказывалась объяснить, что же между ними произошло. Однако у нее хотя бы хватило благоразумия оставить ребенка.

Алевтина Николаевна, бросив на меня извиняющийся взгляд, достала сигарету. Я быстро поднесла ей зажигалку – сама недавно еще дымила как паровоз, так что носить зажигалку на всякий случай вошло в привычку. После небольшой паузы повествование возобновилось:

– Должна вам сказать, Татьяна, что, к глубочайшему своему огорчению, подробностей я совсем не знаю. Дело в том, что к этому времени дочь совершенно отдалилась от меня, перестала посвящать в свою личную жизнь. И в этом я, конечно, очень сильно виновата. Понимаете, Диночка была привязана к отцу. Но Дмитрий, увы, скончался, когда ей бы-

ло восемнадцать лет. Он умер от инфаркта, это произошло так внезапно, что придало его смерти дополнительный оттенок трагизма. А спустя два года после этой печальной кончины я встретила мужчину. Ну что значит – встретила? Мы с Кириллом Гайворонским были знакомы еще со студенческих лет. У нас была бурная юношеская любовь. И, как это чаще всего бывает в молодости, судьба нас развела – нелепые обиды, ссоры. Словом, я вышла замуж за другого, и Кирилл женился на другой. Я не хочу ничего сказать – мы с Дмитрием прожили прекрасную жизнь вместе, наш брак был благополучным, друзья считали нас образцово-показательной парой. Однако чего-то в наших отношениях не хватало. Мы были скорее друзьями. Хорошими друзьями, понимающими и ценящими друг друга, но без всякой романтики и без страсти, которая должна присутствовать хотя бы в первые годы брака. А вот с Кириллом все оказалось не так. Оказалось, что мы оба недолюбили, недо... как это выразиться... быстро повзрослели, не позволили себе быть безрассудными, беспечными. На тот момент, когда мы встретились вновь, я была вдовой, а он давно в разводе, даже детей не имел. И как-то у нас все вдруг вспомнилось, все закружилось... Вы молодая, вам, наверное, сложно понять...

Ничего себе – а я-то себя уже считала в плане создания семьи безнадежной старухой. Значит, Иванова, у тебя все еще впереди!

– К нам словно вторая молодость пришла. Другие бы ска-

зали: «Седина в голову – бес в ребро».

Мне определенно нравилась эта женщина, хотя я чувствовала, что до сути мы доберемся не скоро.

– Простите, я говорю много лишнего, – наконец спохватилась моя собеседница. – В общем, мы с Кириллом решили создать семью. Как и следовало ожидать, Дина не приняла этого. Она бунтовала. Знакомый психолог посоветовал не потакать ее капризам. Он сказал, что моя дочь уже достаточно взрослая (ей к тому времени было двадцать), чтобы позволить матери устроить свою жизнь. В таком возрасте ее больше должна была волновать собственная жизнь. От изменения в моей жизни она уже не могла получить серьезной психологической травмы. И напротив, должна была лучше понимать меня. Но все вышло иначе. Когда мы поженились, Дина наотрез отказалась жить с нами. Снимала комнатку, хотя у нас прекрасная большая квартира в Тарасове и особняк под Покровском. С этим особняком долгая история, если понадобится, я потом остановлюсь на ней подробнее.

О-о! Еще подробнее! Будем надеяться, что этого не понадобится.

– ...Скажу только, что когда-то, до 1917 года, это было родовое имение моих предков. Мы же использовали его как дачу, хотя это настоящий загородный дом. Немного запущенный, но если бы к нему приложить руки... Мы называли его «Дом с привидениями». А жили в основном в Диминой квартире, в Тарасове. Ну ладно, Дина не захотела пойти жить в

мой «Дом с привидениями». Но ведь она отказалась вернуться и в квартиру отца, даже когда я переехала к новому мужу – он, между прочим, тоже обеспеченный человек. Друзья и знакомые все это считали странным. Но в действительности это было вполне в духе Дины.

Так вот, после того как мы узаконили отношения с новым супругом, Дина поставила себя так, что я все время чувствовала какую-то вину и даже не смела задать лишнего вопроса. А если и задавала, то натыкалась на стену полнейшей отчужденности.

Единственным человеком в нашей семье, с которым она хоть немного общалась, был брат ее покойного отца – Анатолий, ее любимый дядя Толик. У него не было своих детей, поэтому он сильно баловал племянницу с самого детства. Анатолий на десять лет моложе Дмитрия. А еще он очень похож на покойного брата – может, поэтому Диночка так к нему привязалась... Правда, должна сказать, сходство всегда было только внешним. Своим образом жизни Толик сильно отличался от Дмитрия. Он, как бы это поделikatнее выразиться... Словом, был большим любителем женщин и алкоголя. Смолоду постоянно кутил, менял подруг. Было несколько браков: и законных и гражданских. Но все они длились недолго, и родить от него ребенка так и не решилась ни одна из его пассий. Однако справедливости ради, надо сказать, что Толик – по сути своей очень неплохой человек. И его легкомыслие – это скорее некая слабыхарак-

терность, что ли. Он добрый, душа нараспашку, всем и всегда готов помочь. Просто таких людей часто используют. В частности – женщины. С ними Толику всю жизнь не везло. У Толика ведь тоже кое-что имеется – их с Димой отец был не последним человеком в городе, занимал солидный пост в Тарасовском облисполкоме. Он туда потом и Дмитрия устроил работать. Свое имущество поделил между двумя сыновьями. Только Дима приумножал полученное, а Толик жил в свое удовольствие, много тратился на женщин, которые, как я уже сказала, всю пользовались его щедростью. Но у него и сейчас кое-что осталось. Правда, нынче такими крохами юных дев уже не прельстишь. Поэтому в последние годы он поутих, о душе стал задумываться, жалеет, что не завел нормальную семью.

– А как Анатолий вел себя в ситуации разрыва между вами и дочерью?

– Здесь он вел себя самым благородным образом. Всегда пытался примирить нас, но Дина сама избегала разговоров с ним на эту тему. Она довольно регулярно виделась с дядей, болтала с ним, как он говорит, «ни о чем», иногда что-то рассказывала о своей жизни. Собственно, в основном от Толи мы с моим новым мужем и узнавали хоть что-то о Диночке. Подруг-то у нее с юности практически не было, да и с теми немногими, которые были, она, должно быть, потеряла связь. Как она жила? С кем общалась? Ведь нельзя же полностью замкнуться и не иметь ни одного близкого человека.

Тем более в ее годы – ни одного близкого мужчины. Я не понимаю ничего. Видно, я очень плохая мать...

Да, извечная история отцов и детей. Когда одни чего-то не могут, а другие чего-то не хотят...

Алевтина Николаевна, выкурив уже, наверное, третью сигарету за наш разговор, продолжала:

– Когда у Дины родился сын, Женечка – это произошло примерно через пять лет после нашей с Кириллом свадьбы, – она поначалу словно немного смягчилась. Мы с Кириллом забирали ее из роддома. Уговорили не ютиться с ребенком по чужим углам, а вернуться в отцову квартиру. Дина охотно позволяла мне нянчить внука. Допускала даже и моего нового мужа. Но о том, что же у нее произошло с отцом Женечки, так и не рассказала. Мы терялись в догадках. Может, Валерий почему-либо решил, что ребенок не его, и поэтому произошел разрыв? Ведь он так ни разу и не появился в Тарасове после их разрыва. Сплошные загадки. Ну а мальчик у нас просто очаровательный. Мы к нему очень привязались. Я помогала, много первое время возилась с малышом. Уже было подумала, что все налаживается, что мы наконец спокойно и дружно заживем. Только вдруг с Диной вновь произошла перемена. Она стала отказываться от моей помощи. Сначала позволила видеть мальчика раз в неделю, по выходным, потом – раз в месяц. Чем дальше, тем реже становились наши встречи. Мне это причиняло большую боль, ведь я чувствовала, что мальчик ко мне привязался, да и к деду

Кириллу тоже, однако я не решалась потребовать встреч с внуком через суд. Это бы окончательно поставило крест на моих отношениях с дочерью. А я все же надеялась, что она с годами станет мудрее и терпимее, и у нас все наладится. Наверно, я слишком слабохарактерная. И вот теперь моя нерешительность привела к беде. Мальчик пропал! – Голос Алевтины Николаевны задрожал, она готова была расплакаться, но сдержалась. – Ему сейчас три годика. И вот уже около полугода Дина вообще отказывает мне во встречах с ним – то по одной причине, то по другой. Сперва меня это просто расстроило, потом насторожило. Я тайком понаблюдала за квартирой Дины – она не появляется там с мальчиком – всегда одна. Он в этом году должен был пойти в сад, по крайней мере раньше так планировалось. Я обошла и все близлежащие детские сады, и более удаленные, простые и элитные, в общем, все, какие знала, – ни в одном не числился Женя Иртенев и не рассматривалось заявление о его приеме. Наконец я решилась поговорить с соседями – это же все хорошие наши знакомые, Диночка росла у них на глазах, и они знают о непростых отношениях в нашей семье. Мне хотелось узнать, как давно они видели мальчика. И несколько разных семей подтвердили мои опасения – сказали, что Женечку не видно уже около двух месяцев. Но больше они ничего не знают – моя дочь стала совсем нелюдима, с соседями не разговаривает, едва здоровается. Дина же, когда узнала о моих дознаниях, буквально отчитала меня по телефону: «Не смей лезть

в мою жизнь, ты и так уже все испортила...» Сказала, что из-за моего любопытства вынуждена будет сменить место жительства. И вообще какие-то непонятные обвинения, чуть ли не угрозы. Я ничего не поняла и сама была на грани истерики. Кирилл не знал, как мне помочь. Я обратилась к Толику, Динину дяде. Того, как на грех, в это время не оказалось в городе, и мне негде было узнать – куда он уехал и надолго ли? В милицию идти с такими нелепыми страхами просто смешно – кто там станет все это выслушивать?

Мысль здравая, решительно никто. Я представила себе, к примеру, Андрюшу Мельникова, у которого за квартал десять «глухарей», в каждом из которых – море крови и горы трупов. И он будет выслушивать вот эту психологическую драму? Да ни в жисть! Я – дело другое. У меня нет начальства, нет отчетности, и, как ни странно, «глухарей» тоже нет. Кстати, интересно, существует ли между этим прямая связь? Словом, я терпеливо продолжала слушать клиентку. И кажется, мы с Алевтиной Николаевной наконец добрались до сути.

– Но я же чувствую – с Женечкой что-то случилось, и от меня это скрывают. Может, он заболел чем-то опасным? Или Дина попала в какую-то ужасную историю, или его украли и требуют выкуп? Муж мой, Кирилл, как и все мужчины, склонен приписывать любые женские опасения разыгравшимся нервам и воображению. Но тем не менее он подал мне здравую мысль – сказал, что мои страхи сможет развеять только

частный детектив. И лучше всего женщина – она поймет душу любящей бабушки.

– Хоть мне еще не довелось стать бабушкой, но мне кажется, я вас понимаю, по крайней мере – стараюсь, – наконец решила я подать голос.

– Простите, обращаясь к вам по телефону, я очень мало знала о ваших личных качествах, мне рекомендовали вас только как профессионала. Я не думала, что вы так молоды, – поджав губы, продолжила Алевтина Николаевна. – Представляла себе этакую мисс Марпл. Однако вам дали блестящие рекомендации весьма уважаемые мной люди... Извините, что я так прямо об этом. Просто мне хочется сразу понять, разделяете ли вы мои опасения, не считаете ли меня сбрендившей старухой или интриганкой. Возьметесь ли за расследование?

– Ну какая вы старуха! Выглядите прекрасно и будете выглядеть еще лучше, когда развеются все ваши страхи, – ответила я с обезоруживающей улыбкой. – Ну а если по существу и так же откровенно – я никогда не испытывала недостатка в клиентах, могу позволить себе выбирать, какими делами заниматься, а какими – нет. И еще я очень доверяю своей интуиции. Вы показались мне очень искренним и глубоко обеспокоенным человеком. Мне надо задать вам еще несколько вопросов, и тогда я уверенно смогу сказать – возьмусь я за ваше дело или нет.

– Да-да, конечно, задавайте. И простите, если чем-то оби-

дела вас.

– Мой девиз: «Клиент всегда прав». В общем, не берите в голову. Я же прекрасно понимаю, как вам сложно рассказывать все это совершенно чужому человеку. Только уговор – с детективом как с врачом. Мало того, что всю правду, но и все сомнения, подозрения, внутренние голоса и тому подобное.

Алевтина Николаевна наконец улыбнулась:

– Тогда это уже больше похоже на психиатрию.

– И что в этом плохого? Преступники по определению – люди с отклонениями в психике. Чтобы их понять, надо уметь думать, как они. Знаете, что говорил мне один знакомый психиатр? Чтобы научиться лечить психов, надо самому немного стать психом. Конечно, я не могу перенести это утверждение полностью на свою профессию и сказать: «Чтобы ловить преступников, надо самому быть немного преступником», но научиться мыслить в криминальном ключе просто необходимо.

– Как же вам, наверное, сложно общаться с людьми вне вашей сферы – не с преступниками и не с жертвами.

– А вот здесь вы совершенно правы. Я даже при простом нормальном общении часто ловлю себя на мысли, что начинаю доискиваться до мотивов, задумываться, а почему мой собеседник сказал именно так, а не иначе... Так, стоп. Алевтина Николаевна, под влиянием вашей истории я расчувствовалась и начала говорить лишнее. Простите. Я ведь хотела задать вам вопросы... Так вот, первый вопрос. Вы уве-

рены, что Толик, Женечкин двоюродный дедушка, не поехал с внуком куда-нибудь отдохнуть: в пансионат, на курорт или мало ли еще куда? А ваша дочь просто действительно не хочет излишней опеки и чрезмерно, возможно, даже неадекватно агрессивно реагирует, когда вы интересуетесь ее жизнью?

– Нет-нет. Толик знает, как я беспокоюсь о внуке. Он предупредил бы меня о поездке с Женечкой, даже несмотря ни на какие Динины запреты. И потом, – тут Алевтина Николаевна почему-то понизила голос, словно смущаясь, – такое ощущение, что в жизни Толика снова появилась женщина. И он сейчас больше занят ею. Он неохотно говорит об этом. Но как-то раз обмолвился. Я уцепилась, стала расспрашивать. А он сказал, что это – совсем другое, что он относится к этой женщине очень серьезно, своими рассказами о ней боится сглазить. Таких отношений у него раньше не было. Потому что это первая женщина в его жизни, которая польстилась не на его богатство, которого уже практически нет, и не на молодость и раскованные манеры. Они сблизились душевно. Он просил не говорить об этом даже Дине. В глазах любимой племянницы ему почему-то всегда хотелось выглядеть таким не стареющим донжуаном.

– Да, у вас, уж простите за откровенность, все так запутано, так сложно. Как говорят англичане: «В каждом доме есть свой скелет в шкафу». Ну да речь не об этом. Вот вы говорите, какое-то время Дина снимала квартиру. На какие сред-

ства? У вас есть информация или хотя бы предположения?

– Здесь информация совершенно достоверная. – Алевтина Николаевна оживилась, радуясь, что может хоть чем-то мне помочь. – Диночкин папа, мой первый муж, завещал ей неплохое состояние. Дина могла позволить себе оплачивать учебу в любом вузе, снимать квартиру и до поры до времени не заботиться о хлебе насущном.

– А кому принадлежит квартира вашего покойного супруга?

– Формально на настоящий момент мне. Но, как я вам уже говорила, я живу у мужа, и вряд ли здесь что-то изменится. Ну а после моей кончины и квартира Дмитрия, и мой «Дом с привидениями», разумеется, достанутся Дине и Женечке. Кирилл – человек благородный и, как я уже говорила, вполне состоятельный. Он не претендует на мое имущество. – Губы Алевтины Николаевны вновь задрожали.

– Ну-ну, что вы расклеились, – поспешила подбодрить я ее. – Давайте не будем заглядывать так далеко. Я от души надеюсь, что в скором времени все недоразумения разрешатся, и вы все вместе заживете одной дружной семьей.

У Алевтины Николаевны покраснели глаза. Нет, так играть невозможно. Навидалась я на своем веку и истеричек, и интриганок. Эта женщина не играла передо мной.

– Тогда следующий вопрос. Дина училась где-нибудь?

– Да, Дина поступила на философский факультет Тарасовского гуманитарного университета. Она всегда хотела

именно там учиться. Но проучилась только около трех лет. Весьма успешно, насколько я могу судить. И вдруг внезапно бросила. Объяснила коротко: «Разочаровалась в философии. А преподаватели – глупые интриганы». Ну что тут поделаешь?

– Значит, получается, что она бросила университет еще до вашей встречи с Кириллом Гайворонским?

– Да, это было незадолго до того.

– Итак, смерть отца, разочарование в учебе, затем – разочарование в вас. Простите, Алевтина Николаевна – я просто выстраиваю хронологию.

– Выходит, что так.

– Чем же ваша дочь занялась после?

– Тут как раз произошла история с моим замужеством. И дочь перестала посвящать меня в свою жизнь. Из рассказов Толика я знаю, что Дина нашла какую-то работу, непонятно зачем. Чтобы доказать свою самостоятельность, наверное. Каким-то консультантом в какой-то компании. Кажется, той самой, которая была филиалом фирмы ее несостоявшегося супруга Валерия.

– Последний вопрос – приметы мальчика.

– Приметы?.. – Алевтина Николаевна растерялась, и голос ее задрожал.

– Успокойтесь, ну что вы разволновались? Я же должна знать, как выглядит ваш Женечка, сами посудите, как же я его смогу иначе найти?

– Ах, ну да, простите, просто со словом «приметы» всегда возникают самые дурные ассоциации. Мальчик выглядит на 3—4 года, он немного опережает в развитии своих ровесников. Волосы темно-русые, глазки голубые. Что еще? На мизинце правой руки с внутренней стороны родинка.

– На лице родимых пятен нет?

– Нет, личико чистое, очень светлая кожа, когда улыбается – ямочки на щеках. Да, наверное, так у любого малыша. Только свой кажется особенным.

– Его фотографий у вас нет?

– К сожалению. На последней – ему около годика.

– Тогда еще вопрос – он умеет четко проговаривать свои имя, фамилию и домашний адрес?

– Ой, не знаю. Я так давно его не видела, – совсем расстроилась моя клиентка.

Я решила пока больше не терзать ее вопросами.

– Ну что же, Алевтина Николаевна. Полагаю, что на сегодня информации хватит, – сказала я, подумав, что моей бедной голове вполне достаточно будет вместить и «отфильтровать» уже услышанное. – Я согласна вам помочь и немедленно начну заниматься вашим делом. Уточню, как давно Женечка не живет с матерью. Уверю вас, что сделаю это так, что ваша дочь не заподозрит какой бы то ни было слежки. Попытаюсь найти знакомых вашей дочери по университету. Может быть, у нее все-таки есть друзья или приятели. Я попытаюсь тогда собрать о Дине побольше информации. От-

правляйтесь домой, через день-два я свяжусь с вами, и мы вместе решим, есть ли смысл продолжать дальнейшее исследование. Тогда и поговорим о гонораре. А может, еще окажется, что и вправду не так страшен черт, как его малюют? Ну и хочу еще раз вам напомнить, что, взявшись за ваше дело, я берусь защищать именно ваши интересы, интересы любящей бабушки, которая никак не может получить ответов на свои вопросы. Вы можете полностью доверять мне.

– Спасибо вам, Татьяна, – в голосе Алевтины Николаевны прозвучала искренняя надежда.

Я не стала провожать клиентку – сказала, что мне надо еще побродить по парку и кое-что обдумать. Это было чистой правдой, без всяких психологических трюков. Когда Алевтина Николаевна скрылась за поворотом в одной из аллей, я направилась неторопливым шагом в противоположную сторону.

Меня заинтересовала подобная жизненная ситуация. Я за свою практику раскрыла так много самых разных дел, что у меня потихонечку скапливался в голове свой собственный «музей восковых фигур». Этакая кунсткамера личностей со всевозможными жизненными отклонениями, приводящими к совершению преступлений. Обычных уголовников я в свой «музей» не помещала. Мне были интересны типы из среды внешне благополучной и хотелось доискаться до причин их падения.

Я поразмышляла над довольно странными фигурами ма-

тери, дочери, ее несостоявшегося супруга, сбежавшего незадолго до свадьбы. Но пока не знала, кого мне подозревать и в чем. Имело ли место преступление в данном конкретном случае? Вот что я должна была установить в первую очередь. Действительно ли малыш не живет с матерью? Может, его давно определили в детский интернат по какой-либо причине или он уехал к кому-нибудь погостить. Причем именно погостить – с согласия матери. То же самое относительно «дяди Толика». И наконец, мне следовало бы провести небольшое расследование в отношении самой любящей бабушки.

Я остановилась около пруда, чтобы посмотреть на лебедей. И вдруг почувствовала тревогу. Будто кто-то следил за мной. Я потихоньку огляделась вокруг. Ничего подозрительного. Прогуливающиеся неторопливым шагом граждане и гражданки, несколько человек у пруда. Видимо, я находилась под впечатлением от рассказанной истории. Такое со мной случалось.

Я продолжила прерванные размышления.

Что сказать? В общем, задача была не из легких. Чтобы прикинуть вероятность той или иной версии, мне следовало собрать побольше информации о Дине и о ее странном несостоявшемся браке. Для этого нужно было в первую очередь порасспросить людей незаинтересованных – однокашников, соседей, знакомых Дины. Ну и, пожалуй, дядю Толика. Как только он появится в городе. Он, по версии моей клиентки,

больше других посвящен в жизнь Дины. И если он сам не замешан в этой истории, то смело можно будет брать его в союзники.

Итак, с чего начать? Самый простой шаг, не требующий предварительного обдумывания, – посетить философский факультет ТГУ. Именно на годы учебы в нем пришелся первый душевный кризис девушки, хотелось бы узнать об этом периоде побольше. Возможно, кто-то из преподавателей вспомнит Дину, а в деканате мне смогут подсказать адреса ее однокурсников. И я, по крайней мере, смогу послушать информацию от незаинтересованных лиц. А может, найду кого-то, кто до сих пор поддерживает связь с Диной. Ведь ее мать совершенно права – нельзя жить в полной изоляции.

Неплохо было бы, конечно, расспросить сослуживцев Дины. У них могла быть информация посвежее. А кто-то мог даже что-либо знать и о ее отношениях с Валерием. Но – Алевтина Николаевна не знала даже, в какой именно компании работала ее дочь. Подозревала лишь, что об этом может знать отсутствующий в настоящее время Толик. Стало быть, пока – только ТГУ.

Глава 2

Было около полудня. Я пешком прошлась до университета. Странное ощущение слезки давно улетучилось.

Я вошла в деканат и уточнила, кто из педагогов был куратором группы, в которой училась Дина. Мне указали на приветливую пожилую женщину, которая охотно вступила со мной в разговор. Она вспомнила студентку Дину Иртеневу.

– Это была очень симпатичная девочка. И такая, знаете ли, ищущая, пытливая. Много вопросов задавала, иногда даже могла поставить в тупик.

– Как же это – опытного преподавателя и в тупик? – заинтересовалась я.

– Да ведь вопросы-то ее все занимали не по теме, не совсем из области философии, а скорее из области мистики, что ли. Или даже не знаю, как уж и назвать. Про астральные тела какие-то спрашивала и тому подобное. А мы ведь здесь эзотерикой не занимаемся. Не хватало еще нам этого столоверчения. Серьезные философы, люди с учеными степенями не могут всерьез принимать всякий там спиритизм. В программе нашего отделения изучение Платона и Аристотеля, Канта и Ницше... А тут вдруг – суеверия. И это при недюжинных способностях! Словом, когда девочка подала заявление об отчислении ее с факультета, весь преподаватель-

ский состав...

– Почувствовал облегчение? – встряла я.

– Нет, что вы, напротив – досаду. Неприятно признавать собственное бессилие. Мы, похоже, разучились быть педагогами, то есть людьми, ведущими за собой. Мы начитываем студентам лекции, нисколько не заботясь о том, что творится у них в душе. Девочка не просто хотела получить диплом о высшем образовании. Она искала чего-то. Каких-то ответов. А у всех свои заботы. Кто в наше время успеваешь думать о душе? Хоть религия, казалось бы, и вернула свои позиции, разве это в действительности так? Она, простите, вошла в моду и стала хорошим тоном. Если раньше хорошим тоном было считать ее мракобесием, то теперь положено, чтобы сильные мира сего по большим религиозным праздникам непременно позировали перед телекамерами в главных храмах страны. Ну да не нам их судить... А девочка искала искренней поддержки. И не найдя ее здесь, ушла с факультета. Мне неизвестна ее дальнейшая судьба. Могу только сказать, что Дина из тех противоречивых и пылких натур, кто, испытав разочарование, с равной вероятностью мог бы податься как в какую-нибудь секту или монастырь, так и на панель.

– А вы не знаете, с кем из группы она поддерживала приятельские отношения? Или, может быть, какой-то студенческий роман?

– Я вела у этой группы профилирующий предмет. Поэто-

му виделась с ребятами довольно часто. А то ведь бывает, что на философском факультете куратором группы бывает преподаватель, скажем, физкультуры. Тут, согласитесь, контакт со студентами складывается в меньшей степени. Так вот, я имела возможность наблюдать за ребятами. За Диной Иртеневой пытались приударить многие однокурсники. Но они, казалось, были ей неинтересны. Что там было с интимной стороной, я, разумеется, не знаю. Скорее всего также ничего не было. Складывалось впечатление, что ее чувственность еще не проснулась.

– А был кто-нибудь из особенно рьяных поклонников?

– С большой натяжкой могу назвать одного мальчика – Славу Крамского. Он довольно долго пытался добиться успеха. Остальные же отлетали после первого же резкого слова или ледяного взгляда.

– Спасибо, это ценно. Ну а подруг, конечно, тоже не было? Но хоть мало-мальски близкие приятельницы, с которыми Дина случайно могла поделиться своими планами на жизнь или даже продолжать общаться до сих пор?

– Вы меня поняли совершенно верно. Равнодушие Дины к противоположному полу вовсе не означало ее нетрадиционных пристрастий. Подруг у нее тоже не было. Из всей группы она общалась с одной девочкой – Леной Касаткиной. Они были чем-то похожи – своей нелюдимостью, что ли. Правда, Лена немного другая. Она доучилась, и я знаю кое-что о ее дальнейшей судьбе – встретила молодого человека, создала

с ним семью, воспитывает детишек и как будто бы вполне счастлива. Не знаю, может, они с Диной продолжают поддерживать связь? Я помогу вам отыскать в архиве адреса Лены и Славы. Буду очень рада помочь Диночке. И еще, моя личная просьба, когда у нее все устроится, а я не спрашиваю сейчас, что у нее за проблемы, – не сочтите за труд, дайте мне знать.

Разумеется, я пообещала. Хотя и сама еще толком не знала, что же за проблемы у Дины.

Кураторша дала мне обещанные адреса, но проверить их я запланировала вечером.

Пока же решила поехать домой, а по пути купила справочник «Все телефонные номера Тарасова и области». Я уже порядком устала бродить – отправилась на встречу с клиенткой пешком, не подумала, что придется делать такие крюки. Хоть бы подбросил какой галантный мужчина! Стоило мне чуть замедлить шаг и слегка рассеянным взглядом посмотреть на дорогу, как словно из-под земли передо мной возник красавец «Форд» синего цвета. Выглянувший из окна водитель тоже был вполне ничего. Он начал с ходу:

– Девушка, простите за нескромность...

Я бросила на него такой взгляд, что он сразу понял, что прошу.

– Девушка, а вы случайно не были сегодня в городском парке?

Опа! Неожиданно.

– Была, – удивленно произнесла я.

– Значит, я не ошибся, это действительно вы...

– Ну, положим, я, а почему вы спросили?

– Я видел вас там пару часов назад. Вы очень красивая.

Я потихоньку шел за вами через весь парк... А заговорить так и не решился.

Так вот откуда ощущение слезки! Настолько заработалась, что не могу отличить «хвоста» от поклонника!

– И представляете, как мне повезло – я вас снова увидел. Я сразу узнал вас – в городе не может быть двух таких ослепительных красавиц!

Ого, а этот мужчина знает, что сказать девушке. Я улыбнулась, но ничего не ответила.

– Теперь вот решился с вами заговорить. Случайностей ведь не бывает. Случайность – знак судьбы...

Ну давай уже, галантный рыцарь, предлагай подвезти.

Словно прочитав мои мысли, он спохватился:

– Да что же это я, совсем голову потерял! Позвольте вас довести куда прикажете. Не сочтите за дерзость, просто я действительно очень верю в судьбу.

Разумеется, я согласилась. Моего нового знакомого звали Игнатом, и это довольно редкое имя очень ему шло. По дороге к дому мы премило болтали о всякой ерунде. Игнат все толковал о предчувствиях, совпадениях, знаках судьбы. Обычно я не особо люблю подобный треп. Но сегодня он меня не раздражал. Игнат остановил машину у моего подъезда и спросил мой номер телефона. А еще поинтересовался, мо-

жем ли мы увидеться сегодня вечером. Только у меня были другие планы – работа прежде всего.

Дома я часа два убила на обзванивание всех детских садов, интернатов, детских лечебных учреждений, детприемников и даже моргов, дабы узнать, не находится ли там сейчас и не появлялся ли когда-либо за последние полгода мальчик Женя Иртенев или похожий на него малыш трех лет. В моргах, к счастью, подобных случаев не было зафиксировано. В детприемниках и интернатах было несколько детишек примерно того же возраста и появившихся в указанный период. Но в основном родители уже нашлись, как правило, наркоманы и бомжи, не интересующиеся судьбой своих детей. Остальные дети не подходили по возрасту или полу. Словом, ничего, что имело бы хоть отдаленное сходство с моим случаем. В тарасовских детских лечебных заведениях, равно как и в детсадах, Женя Иртенев не числился.

В общем, работу я проделала нудную, но необходимую. И пришла к следующему выводу: никакой трагедии с мальчиком скорее всего не произошло. По крайней мере так мне хотелось думать.

Близилось время окончания рабочего дня. Мне пора было собираться на встречу с Диниными однокашниками. Я решила сперва навестить бывшую приятельницу, а после – бывшего поклонника.

Существовала вероятность, что я не застаю ни Елену, ни Вячеслава по указанным адресам. Но мне повезло – я застала

обоих.

Елена выглядела лет на десять старше своего возраста. Это была уже вполне почтенная матрона – домохозяйка, любящая мать и заботливая супруга. Бросив на Елену первый взгляд, я уже поняла, что пришла к ней напрасно. Дина, такая, какой я ее себе представляла, ни за что не стала бы общаться с этой образцово-показательной благодушной клушей, заботящейся только о том, чтобы у ее чад был хороший аппетит, чтобы супруг регулярно приносил зарплату и еще более регулярно – не менее раза в неделю, желательно по выходным, между двумя телесериалами – доставлял ей строго отмеренную порцию «любви».

Однако раз уж я пришла, глупо было уходить сразу, не объяснив цели своего визита и не задав ни одного вопроса. Поэтому я представилась и уточнила – действительно ли у Елены с Диной были приятельские отношения во время учебы. Елена разулыбалась:

– Дина Иртенева? Ну конечно же, помню! Смешная такая была, с идеями. Она, помнится, недоучилась у нас... А вы проходите, я вам сейчас что-то покажу.

Я, слегка заинтригованная, проследовала за Леной. Она провела меня через зал в довольно большую комнату, открыла дверь и торжественно объявила: «Вот!»

Я не сразу поняла, по какому поводу такая торжественность, но вскоре поспешила исправиться:

– Да это просто потрясающе! Никогда не видела такой

красоты! Как вам это удается?

Елена улыбнулась. Кажется, я взяла верный тон и не прогадала с восторженной реакцией.

– Ох, Татьяна, если бы вы знали, как я уставала! Даже похудела килограммов на пять.

Да тебе бы, дружок, еще на двадцать пять – тогда было бы в самый раз!

– Леночка, да вы просто достойны быть занесенной в Книгу рекордов Гиннеса!

– Мы убрали из этой комнаты все батареи, и она к тому же угловая, так что зимой здесь самая подходящая температура! – задыхаясь и рдея от радостного волнения, сообщила мне Леночка.

Передо мной простиралась гордость Елениного семейства – целая комната, переоборудованная под кладовую. Полки от пола до потолка, в несколько рядов. И все эти полки были уставлены самыми разнообразными банками – варенье всех сортов, соленья, какие можно и какие даже нельзя себе представить, всевозможные закуски из капусты, перцев с рисом, арбузов, баклажанов, грибов и прочая и прочая.

Вывалив все имеющиеся у меня в запасе комплименты, я все же попыталась задать Лене пару интересующих меня вопросов. Однако все было безнадежно. Сначала пришел муж, которого срочно надо было накормить ужином. Потом дети вернулись от бабушки, и надо было строго расспросить, что они сегодня кушали и не голодны ли они. Когда Елена нако-

нец освободилась, я спросила у нее только:

– А сейчас вы общаетесь с Диной Иртеневой?

– С кем, с кем? – последовал вопрос. – Ах, вы все о той странной девочке. Что вы, нет, конечно. У меня дел невпроворот, верчусь как белка в колесе.

«Да уж, белочка – ни одно колесо такую не выдержит!» – подумала я, чувствуя, как поднимается волна раздражения. А что, собственно, меня раздражает? Татьяна Алексанна, а может, ты просто завидуешь нормальному женскому счастью, сознайся?

Ладно, каждому свое.

– Елена, а почему все же вы считаете ее странной? – спросила я еще раз.

– Ну-у... Не знаю. Книжки все какие-то непонятные читала, по гадалкам бегала, собиралась на курсы экстрасенсов записаться... Анюта, я кому сказала, надо докушать все, что мама положила в тарелку!

Елена метнулась в соседнюю комнату. Я вдогонку задала вопрос:

– Ну и что у нее вышло с этими курсами?

И поняла, что ответа так и не получу. Я уходила из этого дома быстро и не простившись. Елене было явно не до меня.

Удивительно, как же можно сильно измениться всего за несколько лет! Должно быть, поэтому я избегаю встреч со старыми знакомыми, особенно с теми, кто что-то значил для меня. Исключение составляют лишь пара подруг, таких же,

как я – вечных холостячек, которые замужем за своей работой, и нескольких друзей-ментов, которые хоть потихоньку толстеют и лысеют, но остаются верными и надежными товарищами в любой ситуации.

Следующим на очереди был бывший поклонник Дины. «Чем-то он меня удивит?» – подумала я.

Вячеслав Крамской оказался мужчиной неженатым, поэтому слегка обалдел, когда я появилась на пороге его квартиры. Он жил один, и холостяцкий беспорядок сразу бросался в глаза.

– Вы к кому? – встретил меня Вячеслав недоуменным вопросом.

– К Вячеславу Крамскому – это вы?

– Я, – еще более удивленно ответил бывший студент философского факультета. – А вам кого надо?

Судя по высокоинтеллектуальному началу нашего диалога, когда я скажу, кого мне надо, он спросит: «А вы кто?» Так оно и вышло. Я коротко представилась и показала свою лицензию частного детектива. Внимательно ее изучив, Вячеслав, однако, не поторопился пригласить меня войти.

– А я вам зачем понадобился? – не то испуганно, не то недоверчиво спросил он.

– Послушайте, Вячеслав, я не из ГПУ и сейчас не тридцать седьмой год. Позвольте даме войти хотя бы в прихожую.

Этот не совсем убедительный, но весьма эмоциональный аргумент почему-то вывел Крамского из состояния ступора.

Он вострепнулся, извинился, и мне наконец удалось проникнуть в помещение.

Позже, когда мы уже разговорились, оказалось, что Слава Крамской вовсе не такой тормоз, каким показался вначале, а вполне приятный парень. Просто жил отшельником, и очаровательные молодые барышни отнюдь не баловали его своими визитами.

Слава рассказал мне про Дину все, что знал.

– Она была, наверное, самая хорошенькая на факультете. И очень умная при этом, серьезная. Студенческих вечеринок и тусовок никогда не посещала. Пару раз только была на каких-то факультетских праздничных дискотеках, но было видно, что она там откровенно скучает. И это отнюдь не от недостатка кавалеров. Просто ей непонятно было, по какому случаю веселье? Это я сейчас только стал понимать. Она словно была взрослее нас. Я, наверное, сейчас чувствовал бы себя так на вечеринке семнадцатилетних подростков, у которых вовсю играют гормоны, и от избытка энергии они разве только на ушах не прыгают. У нее же были другие интересы. Она читала запоем таких авторов, про которых мы и не слышали. А если и слышали – то все равно было не до них.

– Откуда вы знаете, что именно она читала?

– Да она сама в ответ на очередную мою попытку поухаживать за ней спросила: «А ты Кастанеду читал? А Борхеса?» Когда я честно сказал, что не читал, она довольно высокомерно ответила: «Ну и о чем же мне с тобой разговаривать?»

Она вообще вот в таком стиле и пресекала все ухаживания кавалеров. Словно опрокидывала на тебя ведро ледяной воды. Я тогда, помню, бросился без разбору читать всех упомянутых ею авторов, чтобы потом блеснуть ученостью. Но многого тогда у них не понял – голова совсем другими мыслями была забита. Это потом уже, когда к учебе стал более ответственно относиться, когда всякие там любви-моркови меня уже не интересовали, словом, когда наконец вспомнил, зачем, собственно, поступал на философский факультет, я много книг перечитал и оценил по достоинству.

– Так что же ваши отношения с Диной?

– Ну, как говорится, романа не получилось. Отшивала она меня, отшивала, а потом я и сам отстал – надоело унижаться. В общем, она мне хороший урок дала, сама того не понимая. Жестко, больно, но открыла мне одну истину – надо не казаться, а быть. И причем быть не для кого-то, а для себя.

– А сейчас вы поддерживаете отношения?

– Нет. Встречал несколько раз в городе, только душевного разговора не выходило – «привет, как дела, пока».

– Слава, а вы ее с ребенком когда-нибудь встречали?

– Ребенок у Дины? Мне кажется, она и дети – две вещи несовместимые. Она всегда с таким отвращением смотрела на беременных женщин или на молодых мамаш с колясками.

Ого, вот это что-то новенькое, такого я об этой таинственной особе еще не слышала. Я уцепилась за неожиданную информацию.

– Послушайте, Слава, могу ли я из ваших слов сделать вывод, что она могла причинить вред маленькому ребенку? Вот как в передачах всяких криминальных показывают – некоторые одинокие женщины с неуравновешенным характером рожают или усыновят ребенка, а потом он так начинает их раздражать, что они в порыве бешенства...

– Нет-нет, я не могу себе представить такого кошмара. Разумеется, ничего подобного я не утверждаю. Я сказал только то, что замечал в ней. Какие-то предположения или выводы мог бы, наверное, сделать психиатр. Но я философ. И вообще, почему такой странный разговор? Ваше расследование связано с Дининым ребенком?

– Да, тут запутанная история. Мать Дины утверждает, что малыш пропал. Дина же со своей матерью не желает даже просто разговаривать, тем более давать какие-то объяснения. Но для заявления в милицию недостаточно фактов. Вот Алевтина Николаевна и обратилась за помощью ко мне. Я приступила к расследованию сегодня и пока собираю информацию о Дине, поскольку, как я поняла, беседовать со мной впрямую она вряд ли согласится. Мне надо хорошо обдумать, каким образом я могу выйти на нее, чтобы не навредить малышу. А вы, Слава, существенно дополнили информацию о ней. И я поняла, что надо действовать еще более осторожно. Только вот еще один интересный вопрос – что из себя представляет сама Алевтина Николаевна. Вы знакомы с ней?

– Очень поверхностно. В период моих попыток поухаживать за Диной я заходил к ним домой. Как-то раз дожидался Дину, и мы немного поговорили с Алевтиной Николаевной. Она тогда посочувствовала мне и сказала, что ей самой тоже очень нелегко приходится с дочерью. В общем, поговорили по душам. Мне показалось, что это приятная мягкая женщина. Я тогда сделал ей неловкий комплимент: «Как жаль, что Дина на вас не похожа». Для нее это оказалось болезненным местом. Она сказала мне только, что покойный отец Дины всегда был мягким и уравновешенным человеком. Поэтому непонятно, гены каких пращуров вдруг проявились в дочери и сделали из нее такую дикарку.

Это было все, что поведал мне Вячеслав. Никаких ниточек – новых Дининых знакомств, увлечений – он мне не дал. Но все же с ним я не зря потратила время. Вообще из всех отрывочных сведений и отзывов, полученных о ней, начал потихоньку выстраиваться портрет этой молодой женщины.

Возвращалась я уже довольно поздно. Припарковала машину у дома, вышла из нее, погруженная в раздумья, ничего не замечая вокруг. Направилась к подъезду. И вдруг чуть ли не столкнулась в темноте с каким-то здоровенным амбалом. Парень нетвердо держался на ногах и был явно выпивший. Чужой, не местный. Я вправо – он вправо, я влево – он влево.

– Поч-чему такая красивая ночью одна? П-пошли со мной! Не бойсь, денег дам...

Вот те раз! Это что еще за дела, в собственном дворе ка-

кая-то тварь... Пока я соображала, как бы так его ударить, чтобы случайно насмерть не убить, он вдруг с проворностью, не свойственной пьяным, захватил меня одной ручищей за шею, другой крепко зажал рот – и потащил в подъезд. Я, конечно, не испугалась, мне с ним справиться – раз плюнуть. Обидно только, что подставилась. Ну сейчас этот урод у меня получит! – подумала я. Навсегда отобью охоту на девушек нападать!

Не успела я вывернуться из его рук, чтобы применить свой любимый удар ногой в челюсть, как со стороны подъезда нам навстречу стремительно метнулась чья-то тень, кто-то ударил амбала по затылку, бедняга крикнул и разжал руки. Что за явление?! Я повернулась. Ба-а! Передо мной стоял Игнат! Сюрприз за сюрпризом.

– Таня, милая, ты в порядке?

– Да вроде бы...

Мужик, осевший на пол, застонал – удар, видимо, был неслабый.

– Кто этот придурок, что ему надо было? Надеюсь, это не твой поклонник?

– Нет, – усмехнулась я, – таких не держим.

Игнат рванулся к мужику, который попытался подняться на ноги.

– Все-все, брек! Игнат, ты же видишь – он пьян, не марайся. Ты вообще как здесь оказался? – Я решила не показывать виду, что прекрасно обошлась бы без его вмешательства –

пусть почувствует себя героем. Поэтому прибавила в голос немного слез и добавила: – Ведь если бы не ты... Ты меня спас! – И я очень натурально всхлипнула.

– Ну, ну, Танюша, все уже позади, – он охотно принял роль спасителя. – Я же рассказывал тебе днем – у меня сильно развито не то чтобы предвидение, а какие-то предощущения, что ли? Вот веришь, нет – возвращался домой со встречи, и вдруг словно в сердце что-то кольнуло и о тебе подумал. Вспомнил, что ты вечером собиралась по делам идти. И как-то нехорошо стало. Думаю – заеду-ка я к тебе, чтобы убедиться, что у тебя все в порядке. Нет, ты не думай только, я не собирался в гости напрашиваться, на пресловутую «чашечку кофе». Просто хотел подняться, увидеть тебя и уйти. Я мог бы и позвонить, конечно. Но ведь это ненадежно – ты скажешь, что все хорошо, дашь отбой, а через минуту мне опять станет тревожно. Ты извинишь меня за такую назойливость?

– Игнат, ну о чем ты! Ты вовремя появился!

– Да, видишь, как вышло – я только направился к твоему подъезду, как смотрю, что-то происходит. Здесь темень такая – я не разглядел даже, что творится. Но почувствовал – там ты. Ну и вот...

Признаться, я особенно не верила во весь его треп в машине, поэтому такое совпадение меня удивило. Может, у него и правда очень развита интуиция? Ведь у меня-то такие штуки тоже иногда случаются. «Черт, как же жаль, что я не

могу пригласить его на эту самую „чашечку кофе“ – устала смертельно, да и завтра с утра много дел», – подумала я.

Мы стояли уже у входа в подъезд.

– Игнат, милый, извини...

– Нет, нет, что ты, я уже уйду. Еще одну минуту... – Он так печально смотрел на меня, что я совсем растаяла и сама потянулась к его губам.

Он поцеловал с жадностью, но вместе с тем очень нежно, словно это не взрослый мужчина, а романтичный юноша. Оторвавшись от моих губ, он вздохнул, потом, не говоря ни слова, резко повернулся и направился прочь.

Боже, какая прелесть, никаких сантиментов, никаких «до встречи», «пока-пока», «буду звонить» и прочего сюсюканья! У этого мужчины определенно был стиль.

Уже укладываясь спать, я вспомнила, что сама-то не знаю его номера. Ну, буду надеяться, что проявится сам.

Ах, да, вот еще – перед сном решила бросить свои заветные косточки в надежде, что они подскажут, есть ли в моем новом деле криминал, или я впустую трачу на него время. И отказываюсь от такого романтического свидания... Они меня не подвели. Выпало сочетание 7+36+17. Насколько я припомнила, это сочетание предостерегало: «Пока вы медлите, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов возмужают». Косточки явно намекали, что пора отнестись к этому делу всерьез, и что криминал там, видимо, все же присутствует. Ну что же, с завтрашнего дня надо будет при-

ступать к более активным действиям.

Следующая порция воспоминаний – второй день моего расследования. Мне пришла наконец в голову мысль, как я смогу посетить Дину и поговорить с ней о ребенке и при этом не спугнуть ее. Я решила представиться сотрудницей соцслужбы, которая проводит опрос по инициативе недавно избранного депутата по данному округу. Для этого я даже не поленилась с утра выяснить фамилию депутата. Итак, соцслужба, сотрудники которой ходят по квартирам избирателей и лично с каждым обсуждают их насущные нужды – у кого слишком мала пенсия, у кого велика квартплата, а у кого – маленькие дети, пособия не хватает. Я составила анкету из многих подобных пунктов, распечатала ее на принтере, словом, все чин-чином. Уважаемый депутат NN – обойдемся без фамилий – должен был бы мне выдать хорошую премию за такое поднятие его рейтинга среди населения. Правда, среди очень узкой прослойки – я собиралась, кроме Дины, посетить лишь нескольких ее ближайших соседей – пять-шесть квартир в ее подъезде, чтобы не вызвать подозрений.

Сегодня очень кстати случилась суббота, поэтому, дав избирателям немного выспаться, в одиннадцать часов я направилась по Динину адресу. Сначала прошла по соседям. Кое-кто двери мне так и не открыл, но я даже и не расстроилась. Ведь не они мне были нужны. Но все же продолжала безжалостно их беспокоить и отрывать кого от позднего зав-

трака, кого от телевизора, а кого и от иных, не менее приятных занятий субботнего утра.

В двух квартирах мне открыли и отнеслись к моему соопросу самым серьезным образом – даже стали давать какие-то наказания депутату и посоветовали внести в анкеты новые пункты. Надо же, умилялась я на этих граждан, не перевелись у нас еще, мягко говоря, наивные люди. Не хочется никого обижать, но просто как-то сам собою вспомнился афоризм: «Дураков в России мало. Но они так грамотно расставлены, что встречаются практически на каждом шагу».

Впустила меня в квартиру и Дина, а уж ее-то я решительно не могла причислить к категории наивных субъектов. Впрочем – откуда мне знать наверняка. Вообще она оказалась не совсем такой, какой я ее себе представляла. Нервные тонкие пальцы, настороженный взгляд и повадки свободолюбивого, но загнанного зверька, который словно каждую секунду ожидает внезапного удара. Однако ничего от хищника. Почему же в ней видели какого-то монстра? Этой женщине явно не хватало любви, понимания, сочувствия. Возможно, ее подтачивала какая-то серьезная болезнь? Не знаю.

Убедившись, что я всего лишь соцработник – а у меня и корочка, разумеется, была подходящая случаю, – Дина немного успокоилась. На вопросы отвечала ровно и довольно монотонно – дескать, всем довольна, все устраивает, в особой помощи не нуждается. Наконец анкета дошла до пункта о детских пособиях. Я сказала, что наша служба

особой своей задачей считает охрану материнства и детства, поэтому нам известны все матери-одиночки нашего округа и мы стремимся оказывать им посильную материальную помощь. Дина молчала. Тогда я спросила, не нуждается ли она в чем-то, поскольку нам известно, что она воспитывает ребенка в одиночку. Дина еще несколько секунд словно пребывала в каком-то ступоре. Но вдруг выражение ее лица резко изменилось, ноздри раздулись, глаза засверкали недобрым и каким-то отчаянным огнем, и она закричала на меня:

– Убирайся! Немедленно убирайся, слышишь! Вам меня не достать! И ты тоже от них! Что вам от меня надо? Вы уже отняли у меня все!

– Дина Дмитриевна, успокойтесь, что с вами? О чем вы говорите?

Однако Дина уже забилась в истерику.

Я быстро сбегала на кухню и принесла стакан воды. Дина выпила воду, стуча зубами о край стакана. После этого немного посидела молча. Я не уходила, надеясь на продолжение разговора. Но Дина, собравшись с силами, произнесла:

– Простите. Я немного не в себе, вам лучше уйти. Пожалуйста, простите.

– Может, я могу чем-то помочь? Хотите об этом поговорить? – Я почему-то произнесла эту дурацкую фразу, которую всегда в таких ситуациях произносят продвинутые психоаналитики из голливудских триллеров. Но я, откровенно

говоря, тоже несколько растерялась от такой бурной реакции, так что не нашла сказать ничего более подходящего. Дина же тем временем успела взять себя в руки.

– Нет-нет, простите. Все дело в том, что мой ребенок умер через несколько дней после родов. В вашей службе зафиксирован только факт рождения. И меня уже несколько раз за эти годы беспокоили со всякими там пособиями и прочими вещами. А я до сих пор очень болезненно реагирую. Будьте так любезны, вычеркните, наконец, из ваших списков моего несуществующего ребенка! – Дина даже сумела придать своему голосу интонацию праведного гнева. Но она лгала. Она откровенно и беспардонно лгала. Почему? Она всерьез приняла меня за соцработника. Но ведь в этом случае ее слова так легко было проверить. Да просто, наученная, видимо, уже горьким опытом, она была уверена, что это никому не надо, простая формальность и тому подобное. Поэтому лгала без тени смущения на лице и с очень правдивым выражением глаз. Она не догадывалась лишь об одном – по дороге на кухню за стаканом воды я заглянула в спальню. Там, на туалетном столике стояла в деревянной рамочке фотография, где Дина, счастливо улыбаясь, держала на руках мальчика, русоволосого, с голубыми глазами и ямочками на щеках.

Я поняла, что сегодня мне ничего не добиться от этой женщины. Если принесу фотографию из спальни – это вызовет новый приступ, который еще неизвестно чем закончит-

ся. Поэтому я вежливо попрощалась и ушла. Из этого визита я вынесла следующее: Дина очень болезненно относилась к любым упоминаниям о ее ребенке. Кроме того, она была либо нездорова психически, либо употребляла наркотики – на мой взгляд, хоть я и не специалист в таких вопросах, симптомы ее нервного выппада равно могли относиться как к тому, так и к другому. Еще один вывод – в сознательном состоянии она не могла причинить вреда своему сыну, кажется, она очень любила его. Но вот не случилось ли трагедии во время одного из таких припадков?

Итак, каковы же итоги моего визита?

Первое – мальчика в квартире, причем субботним утром, нет.

Второе – Дина очень остро реагирует на упоминания о ребенке и явно к нему привязана. Тем не менее скрывает от «соцработника» даже сам факт его существования.

Третье – у женщины серьезные проблемы с нервами. Это по меньшей мере, а то, может быть, и с психикой. В некоторые моменты она даже не способна контролировать себя. Правда, достаточно быстро восстанавливается.

Какие отсюда можно сделать выводы? Реальная угроза благополучию или жизни мальчика действительно существовала. Алевтина Николаевна не ошиблась. Если бы малыш был болен или потерялся бы – реакция матери была бы совсем другой. Незнакомому человеку, пришедшему с благими намерениями, она наверняка пожаловалась бы на здоро-

вье сына либо на то, что малыш исчез из дому и разыскивается милицией. Вместо этого – нелепое объяснение о том, что мальчика уже давно нет в живых, истерика, общий затравленный и напряженный вид. Напрашивались две версии – ребенка украли. Или она сама намеренно или ненамеренно причинила ему вред, а теперь пытается это скрыть.

Чтобы успокоить себя, я на всякий случай позвонила Андрею Мельникову, и разговор с ним окончательно меня убедил, что Дина Дмитриевна Иртенева не обращалась в милицию по поводу исчезновения своего сына.

Так. И что же дальше? «Обрадовать» Алевтину Николаевну? С этим всегда успеется. Нужен мало-мальски вразумительный план действий. Самое худшее – версию об убийстве ребенка собственной матерью – можно оставить на потом. Если это случилось, то здесь уже ничего не исправишь. А Дина от меня никуда не денется. Да к тому же и двенадцатигранники косвенным образом дали мне вчера понять, что худшего еще не случилось, но, как говорится, «промедление смерти подобно». Зайдем с другого бока. Кто из известных мне людей мог удерживать ребенка силой? Его отец, как бишь там его, Валерий? Фигура в высшей степени непонятная, и роль его в этой истории вполне могла быть неприглядной. В более легком варианте – он «не поделил» с Диной ребенка, который бог весть зачем ему понадобился спустя три года, а зная, что через суд при таких обстоятельствах ему ничего не добиться – просто выкрал Женечку и скрывает его

неизвестно где. Цель? Узнал о том, что Дина – в будущем – богатая наследница и шантажирует ее, используя ребенка. Непонятно только, как он не узнал этого раньше. Впрочем, могли быть какие-то нюансы, о которых я не имела представления.

Следующая известная мне фигура – «дядя Толик». Но он, пожалуй, отпадает – нет никаких мотивов похищать своего внучатого племянника. Да и по описанию, данному моей клиенткой, этот человек не в состоянии замыслить что-то дурное.

Итак, каковы наши планы? Начнем с самого близкого человека, то есть с любящей бабушки. Ее тоже не мешает проверить. Хорошо бы проникнуть к ней в дом, но для этого нужен весомый предлог. Набьюсь-ка я к ней на чашечку кофе и – о, бедная моя голова – попрошу рассказать о «Доме с привидениями». Заодно проверю реакцию – насколько быстро и охотно она пригласит меня к себе.

Не долго мешкая, я позвонила Алевтине Николаевне.

– Здравствуйте, это Татьяна Иванова вас беспокоит!

– Здравствуйте, Татьяна, ну что? – взволнованным голосом тут же спросила меня Алевтина Николаевна.

– Обрадовать ничем не могу. Да и ничего страшного не обнаружила. Выяснила только, что мальчик действительно не живет с матерью. Но в лечебные учреждения, детприемники, а также, простите, морги, малыш с такими приметами в означенный период не поступал. Я проверила все очень

тщательно. И мне требуется немедленно переговорить с вами. Возникли кое-какие рабочие версии. Нужна дополнительная информация. Разговор, как вы сами понимаете, не телефонный. Я не очень вас стесню, если заеду к вам на чашечку кофе, и мы все обсудим? Когда вам удобно? – частила я, не давая моей собеседнице лишних секунд на раздумье.

Однако ухищрения мои не помогли, и Алевтина Николаевна выдержала-таки некоторую паузу, а затем ответила:

– А не помешает то, что дома мой супруг?

– Нет-нет, нисколько.

– Мне не хотелось бы лишний раз волновать Кирилла. У него слабое сердце, а он очень впечатлительный. Я стараюсь уберечь его от излишних волнений – не перенесу, если он по моей вине... ну, вы понимаете.

– Да, конечно.

– Знаете, Татьяна, примерно через час он должен уйти – он по субботам посещает шахматный клуб, у них там давно сложился свой кружок, он не пропускает ни одной субботы. Пробудет там часа полтора-два. И мы как раз сможем спокойно поговорить. Так значит, через час я вас жду, – и Алевтина Николаевна продиктовала мне адрес.

Так-так. Эта отсрочка может говорить о чем угодно, а может и вообще ни о чем не говорить. Кстати, а что это за фигура «дедушка Кирилл»? Стоит в стороне и вроде бы совсем ни при чем. А ведь я о нем почти ничего не знаю. Впрочем, хватит бесплодных фантазий. Нужна, прежде всего, инфор-

мация.

Глава 3

Спустя несколько часов, досыта наговорившись с Алевтиной Николаевной и даже дождавшись прихода ее супруга, я уже внутренне ехидничала над собой за чрезмерную бдительность. Никакой нервозности, странностей в поведении, зажатости и тому подобных мелочей, выдающих, что совесть человека нечиста, я, к своему облегчению, не обнаружила и у клиентки. Алевтина Николаевна вела себя тревожно-озабоченно, как и подобало ей в такой ситуации.

Сам же разговор о ее «родовом имении», который я затеяла лишь как повод для посещения, оказался небезынтересен и натолкнул меня на кое-какие мысли.

Итак, особняк, иронично называемый семейством Иртеневых «Домом с привидениями», действительно некогда принадлежал какому-то прапрадедушке Алевтины Николаевны. После 1917 года, ясное дело, особняк конфисковали, а прапра должен был срочным образом бежать. В России осталась тогда лишь сестра этого прародителя с маленькими детьми. Она-то и рассказала, что в особняке когда-то была домашняя часовня. Из нее был потайной ход в катакомбы, вернее, в подземный ход... Так вот, якобы именно через этот подземный ход бежал в свое время хозяин имения, спасаясь от преследования большевиков. Дальше Алевтина Николаевна рассказывала не без иронии:

– Видно, кто-то из моих родственников очень любил произведение «Двенадцать стульев», потому что в самой последней интерпретации к рассказу непременно прибавлялось, что наш двоюродный прапрапрадед где-то в самой часовне или уже в подземном ходе ухитрился, убегая со всем семейством, спрятать фамильные драгоценности. Ну а еще более молодые поколения, в частности я сама, пересказывая предание своим знакомым, непременно добавляли, что теперь сокровища стерегут призраки наших усопших родственников. Конечно, все, что касается сокровищ, – полная ерунда. И никаких катакомб мы не нашли. Особняк в советские времена был оборудован под лечебницу профзаболеваний. А часовню переделали под больничную подсобку, ну а потом она вообще наполовину обрушилась – мы не решались туда заходить, боялись, что обвалится, засыплет. Но вот сам особняк представляет собой немалую ценность. Когда началась вся эта эпопея с приватизацией, мой свекор, как я уже упоминала, имеющий немалое влияние, ухитрился сделать так, чтобы мы с Дмитрием смогли приобрести мое «родовое гнездо» по смехотворной, бросовой цене. Лечебница к тому времени перестала существовать, дом сдавали под какие-то склады. Свекру хотелось, чтобы у его единственной внучки Дины когда-нибудь появилось свое «гнездо». Жаль, что все обернулось совсем не так. Впрочем, в детстве Дине нравился «Дом с привидениями». Только вот после нашего разрыва она не хотела принимать ничего, что имело бы отношение ко

мне... Сам особняк нам достался в обветшалом, совершенно запущенном состоянии. По мнению специалистов, там осталось кое-что подлинное – изразцовые каминные, деревянные лестницы, кое-где – подлинная лепнина, не замазанная более поздними звездами, серпами и молотами. Любители старины предлагали нам спустя некоторое время очень внушительные суммы за особняк. Но мы не захотели его продавать. У нас с Дмитрием была мечта, пожалуй, единственная, поскольку мы очень редко мечтали вместе, – выйти на пенсию и привести дом в порядок. Жить, радоваться, смотреть, как Диночка и ее муж растят детей... Увы, судьба распорядилась иначе. После смерти Дмитрия все пошло наперекосяк. Моих сил хватило только на то, чтобы как-то наладить собственную жизнь. Что с моим внуком? Что будет дальше с моей дочерью? Неужели я их потеряла?..

– Ну-ну, Алевтина Николаевна. Начали за здоровье, а кончили за упокой. Погодите еще. В нашем деле отсутствие информации – это еще не самое худшее. Я стараюсь вам помочь.

На данном этапе нашего разговора я вновь была уверена, что моя клиентка не может быть замешана ни в чем дурном.

Я поблагодарила Алевтину Николаевну за рассказ, прибавила, что эта информация может помочь моему расследованию, и быстро откланялась.

Я незаметно добралась до дома. Совсем уж было решила, что сегодняшний день прошел впустую. Раз уж такое дело,

можно позволить себе отдохнуть, принять ванну, почитать или посмотреть телевизор. А может, новый поклонник позвонит и предложит более интересную программу?

Не успела я набрать воды в ванну, как зазвонил мой телефон. В трубке послышался взволнованный голос Алевтины Николаевны:

– Татьяна, вы срочно нужны мне!

– Что случилось?

– Вернулся Толик. Он позвонил мне, спросил, как дела у Диночки, и как-то быстро оборвал связь. Я не исключаю, что он, как обычно, подшофе. Но нам с вами надо немедленно поехать к нему и попытаться выяснить все, что он знает о Женечке и Дине.

– Все поняла! Только предупреждаю: без самодеятельности, Алевтина Николаевна! Я немедленно отправлюсь к Анатолию. Вас же попрошу там пока не появляться. Я все выясню сама. Вы не обижаетесь?

– Нет, конечно, нет. Я вам полностью доверяю. Поступайте как сочтете нужным.

– Вот и прекрасно. Если у меня появятся сведения, достойные вашего внимания, я немедленно свяжусь с вами. А я сейчас же отправляюсь.

Я пулей собралась, села в машину и рванула по адресу Анатолия.

Когда я позвонила в дверь, то, к моему удивлению, дверь открыл не хозяин квартиры, а очень красивая женщина, вы-

сокая, стройная. О таких говорят «дама без возраста». Я вежливо поздоровалась и спросила, могу ли видеть Анатолия Петровича Иртенева. Женщина улыбнулась и пригласила меня войти в квартиру.

Мы прошли в большую комнату, я села на диван, а подруга Иртенева – в кресло напротив. Я хотела было открыть рот для объяснений – кто я такая и с чем пожаловала, как женщина опередила меня:

– Меня зовут Светлана.

Это имя, на мой взгляд, ей никак не подходило. У нее были довольно длинные, густые, очень темные волосы, смуглая кожа, черные брови, и вообще в лице Светланы было что-то восточное. Она словно прочла мои мысли и пояснила:

– Мама была блондинка, глаза светлые, решили, что дочку в честь нее Светланой назовут. А я вот не в нее пошла. В отца.

Приглядевшись к женщине внимательнее, я поняла, что в молодости она была потрясающе хороша собой – просто шамаханская царица. Да и сейчас еще могла заинтересовать мужчин. Светлана опять словно угадала мои мысли:

– У меня в молодости много поклонников было и романов всяких. Но замуж я так и не вышла. Зато жизнь моя меня многому научила – мудрости, терпению. Вот и вы ведь красавица, любой мужчина о такой мечтает, а судьба не складывается. Ведь правда? Не отвечайте, я и так знаю. У женщин красивых, умных и сильных долго все не складывается.

Потому что они всегда чего-то ждут, чего-то настоящего. Но если верно и терпеливо ждут, то и дождутся. Я вот встретила своего Толика. Скажете – непутевый мужчина. А я знаю – он моя судьба. Я ведь много разных повидала на своем веку. А такого сердца, души такой – никогда не встречала. Толик весь мне открылся, всю жизнь свою рассказал. И я его приняла таким, какой он есть, и он меня принял. Не задалась нам судьба по молодости встретиться. Тогда, может быть, вся жизнь, и его и моя, совсем по-другому сложилась бы. Но лучше поздно, чем никогда, так ведь в народе говорят... – Светлана печально вздохнула. – Простите, милая, что я так сразу набросилась на вас с разговорами своими женскими. Просто не с кем поделиться, вот, бывает, и откроешь душу первому человеку, который тебе симпатичным покажется и слушать умеет. А вы так хорошо слушаете. Так я, глупая, и заболталась. А ведь вы не ко мне, вы же Анатолия хотели видеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.